

«ЛИСТЬЯ УКРОПА»

*

Укроп тем хорош, что по осени за ним
не надо убирать листву.

*

Профиль осени не всегда
анфас поэта.

*

Не подражайте –
да неподражаемы будете.

*

Прежде чем просчитывать дистанцию,
просчитайте тех, кто желает
вас обойти.

*

Замечено, что человек впадает в ступор
чаще от зависти, чем от страха
за собственную жизнь.

*

Между тираном и палачом
разница в зарплате.

*

И среди лизоблюдов
встречаются гурманы.

*

О Янусе с восхищением:
«Он такой разносторонний!».

*

Дарёный конь ненавидит рентгеноскопию!

Профессия: палковколёсья.

*

Какая муха Вас не укусила?!!

*

Не скромничай.
Поставь себя на моё место.

*

Не кромсай висок тупым ножом.
Дождись, когда изобретут острый порох.

*

Он не просто был не ангелом.
Но ещё хуже.

*

— Я к Вам.
— Зачем?!!
— Тогда, не к вам.
— Почему?!!!

*

Любой вопрос решаем.
Особенно, когда в этом
нет необходимости.

*

В очереди за Счастьем
все — крайние.

*

Выбирай: враг с насмешкой
или друг с ухмылкой?

*

Не быть синоптику наставником
сапёра.

*

У меня, в отличие от вас, интересная жизнь!
Где-то завалилась...

*

Скоро сказки сказываются,
да не скоро издаются.

*

Устал быть выше других?!!
Передохни, облокотившись на облако.

*

Столько *полной* фигни -
что *худой* не протиснуться.

*

Зануда это тот, у кого в супе
плавают две мухи вместо одной —
как у всех.

*

Весенняя распутница.

*

Встречают по обложке —
читают по уму.

*

Не трудитесь оплодотворять ложь,
она — саморазмножаема.

*

Если и казаться глупцом,
то, только для того,
чтобы этим кого-то удивить.

*

Весёлая совесть —
грустная привычка.

*

Слишком долгий выбор оставляет вас
без его последствий.

*

Если женился
на самой молодой
и самой красивой,
самой богатой
и самой умной –
значит, ты стал
жертвой обстоятельств.

*

Не всем же быть на *первых* ролях.
Кому-то достаются и *очень* первые.

*

Написал в графе
«Место жительства»: Родина.
Потребовали уточнить.

*

Не исключено, что
друг моего врага –
наставник врага моего друга.

*

Не опережайте события,
которым всё равно
кому ударить в спину.

*

Поэт – не мстит.
Он жалит гордой рифмой!

*

Не всё во благо, что к нему принуждает.

*

«Самовлюблённый Нарцисс!» –
пример словесного перебора.

*

И самые рослые полководцы
завидовали Наполеону...

*

Интересно: а слону не видать
своих ушей?

*

А вам не страшно
оттого, что вас кто-то боится?

*

«Вот счастье-то!» –
съехидничал кто-то
при встрече со Счастьем.

*

Снежинки, касаясь друг друга –
не тают, в отличие от людей.

*

Хотел застрелиться – отговорили.
Пойду – утоплюсь.

*

Чего смешного в том, что кто-то упал?!
Ведь не насмерть же...

*

О, сколько сладости в слове: «приторность»!

*

Играя как Моцарт,
помни о последствиях.

*

Сойди! Не стой на достигнутом.

*

Глухонемая собака
внутри себя лает громче других.

*

Чем больше желающих оказать вам
бескорыстную помощь,
тем богаче выбор её составляющей.

*

Моё не «за» и не «против» -
вовсе не означает, будто я
ещё и «воздержался».

*

Пизанская башня завидует человеку:
*как он до сих пор не рухнул,
живя под таким углом?!*

*

Лишая меня права голоса,
вы себя лишаете права
однажды услышать
моё молчание.

*

Для полёта мечты
опасайтесь подделок горючего.

*

Итоги — злопамятны.
Подводите их пореже.

*

Мера наказания не всегда
наказание в меру.

*

В человеческом учебнике
все задачи — первоочередные!

*

Преимущество предмета перед своей тенью в том,
что к полудню *он* не становится короче.

*

На кладбище, каких только птиц не услышишь!
Кроме кукушки.

*

Не индивидуальничай!
Сохраняй моральный облик большинства.

*

Чтобы дольше быть на виду:
надо время от времени видоизменяться.

*

Случается что, сбежавшие из плена иллюзий,
норовят вернуться обратно.

*

«Семь с половиной пядей во лбу! Кто больше?!!»

*

Если всем станет жить хорошо, то кто ж тогда будет работать?

*

С высоты птичьего помёта.

*

Заглянуть внутрь себя сложнее всего *главной* матрёшке.

*

Летающие коровы – «пернатокопытны».

*

Транспарант в спортзале: «Чрезмерное занятие спортом
приводит к здоровому образу жизни!»

*

Мы, даже если и не голодаем и не бедствуем,
то всё равно надеемся на лучшее.

*

Весна в присутствии женщины.

*

Зачем человеку руки, и откуда они чешутся?

*

Струил октябрь желтеющие пряди,
роняя их в осенний грузовик...

*

Женщина! Проявите характер – отдайтесь мужчине!

*

У меня две проблемы. Одна и другая.
Они настолько разные, что создают друг друга.

*

От кого-то голого – не услышишь нового.

*

Золотой рыбке старик кланялся, если не в пояс, то *в* куда?

*

Сомневаться в чём-то – это легче всего тогда,
когда тебя об этом не просят.

*

Припечатать непечатным словом.

*

Один чудака, предвосхищая споры,
Заметил будто все вокруг актёры.
И разошлось то мнение по миру,
Приписанное автору - Шекспиру.

Я на это улыбнусь скупой,
Но Вильяму возражать – глупо.

*

«Весь мир – театр», и в радости, в боли.
Жаль, что порой приходится играть
Тебе и мне - не свойственные роли,
И публике при этом угождать.

*

А что зима?! Зима что надо!
Как прежде, душу веселит
Снегов нетронутых громада
И льда всеволжский монолит.

Поэт, не менее известный,

Не зря говаривал до нас:
«Мороз и солнце – день чудесный!»
И вой простора про запас.

В плену у этого простора
Со мною раз и навсегда
Глас колокольного собора
И вздох проснувшегося льда.

На спуд извечного сомненья
Махни мозолистой рукой;
Никто не даст нам избавленья,
Коль царь, по слухам – не герой.

Вскулю о полужарких землях
С полунаивностью щенка.
Но друг придёт, и мы, наверно,
Помянем в зиму ямщика.

До лучших дней в красе и силе
Рукой озябшей дотянись.
Не замерзай, моя Россия,
«Проснись, красавица, проснись!»

*

*Войдёшь, и огромные мысли рванутся и
От волненья в горле шар.
В двух саркофагах сны революции:
Грёза её и её кошмар.*

И.Сельвинский

«В сталинско-ленинском мавзолее» – 1956г.

В Мавзолее долго не бывает пусто.
Встань с утра пораньше – приходи, глазей.
В Мавзолее тихо, в Мавзолее грустно,
Почему ж приходят люди в Мавзолей?

Давняя эпоха под стеклом прозрачным,
Ей не встать, не охнуть, честно говоря.
За стеной гранитной новые задачи,
Старые решенья им «до фонаря».

В Мавзолее людям не бывает тесно
И они проходят строем сквозь него.
Большинству бывает очень интересно
Меньшинству не очень, ну и что с того.

А потом в рассказах письменно и устно
Вспомнят самый лучший день в судьбе своей.
В Мавзолее тихо, в Мавзолее грустно.
Но опять приходят люди в Мавзолей.

*

*На все советы себя
не угодишь.*

Ю.П.

С выраженьем на лице
И в пылу азарта
Не советуй курице
Откладывать на завтра.

Промолчи, угомонись,
Хоть ты трижды важен.
Или лучше сам снесись –
Удиви сограждан.

И входя к берёзкам в круг
Объясни не сложно
Чем не угодили вдруг
Трели птахи божьей.

Пробуждая в горле медь
С понтом и натужно
Соловья учить свистеть
Можно, но не нужно,

И с советом приставать,
Не меняя позы,
Как мне лучше рифмовать
«Розы» и «морозы».

...Среди солнышка и туч,
Правды и наветов
До чего же в нас живуч
Дух страны советов!

*

Однажды, как по вычурной аллее,
Зачем и почему – не признавал.
Блуждал я по картинной галерее,
Где на стене кипел «Девятый вал».

Вот так порой бульон бурлит в посуде.
Но здесь сюжет без меры голосил:
В шикарной раме погибали люди,
Себя, спасая из последних сил.

Им было за художника обидно –
Что не сойти на сушу с полотна.
Он их топил, а самого не видно –
Не разглядеть за валом ни хрена.

Кому-то, может быть мазком неброским

Себя ещё возвысить суждено.
Но нужно быть великим Айвазовским,
Чтоб так красиво посылать на дно.

Я б к ним запрыгнул, если бы позвали,
Помог бы одному и даже всем.
Но тут раздался крик в соседнем зале:
«Спасите бабу – голая совсем!».

... Там в полный рост на фоне одеяла,
Пронзая мозг, как фара темноту,
Натура обнажённая лежала,
Ладонью, прикрывая срамоту.

Долой интеллигентную рутину,
Я с долгим обхождением не в ладу.
Мадам, позвольте к вам войти в картину.
Ведь, вы ж не против, если я войду...

*

... Вот так на поле около болота,
Где заросла окопная межа,
Я вдруг остановился отчего-то
Да и присел на тихого ежа.

Он, молча, принял задницу, заметьте,
Не возразил во всей своей красе.
Был ёж колюч, как все ежи на свете,
Но, ростом выше, чем другие все.

Как хорошо, что я остановился
И понял то, что вовсе не фигня:
Когда родился он – я не родился,
Но вряд ли без него родился б я.

... И, завершив неначатую повесть,
Благодарил средь памятных межей
Того, кто конструировал на совесть
Таких противотанковых ежей.

*

А где-то зимы вообще не бывает.
Там ветры прохладные слабы и тощи.
И с новой зарёю мороз не гуляет
В сосновом бору и в берёзовой роще.

Где следом за летом является лето
И тёплое море в жемчужных ракушках,
Смотрелись бы снежные шапки нелепо
На пальмовых вечнозелёных макушках.

Вот ты сам себе на мгновенье представь-ка:
Зиме, подставляя счастливые лица,
В повязках набедренных девушек стайка
Гурьбой шоколадною с горочки мчится.

А снизу, мечтая о девичьих ласках,
Горячие, как из бананопекарни,
По... пояс в сугробе и тоже в повязках,
Их ждут – не дождутся счастливые парни!

Затем уже вместе, о ласках мечтая,
Совместно заташат на горку салазки.
И счастлива молодость в тамошнем крае!
И ветер морозный – тайком под повязки...

И снова нелепица в этих сказках.
Господь не допустит такой лихоманки,
Чтоб девкам с парнями в одних лишь повязках
Плясать нагишом на январской гулянке.

Для нас же сугробы – не лишняя ноша,
А шапки на соснах – обычные вещи.
И вновь обвивают лианы-пороши
Земную кору средь асфальтовых трещин.

Люблю эти дни, где не скоро растает
Ковёр новотканый, что мягок на ощупь.
Где с новой зарёю морозец гуляет
В сосновом бору и в берёзовой роще.

*

Снилось мне: обезьянка в Анапе
Там, где брызги воды солонь,
Со счастливым билетиком в лапе
В трёх шагах от прибрежной волны.

Воздух солнца палящего полон.
Куrolесила пляжная рать.
К обезьянке привязанный клоун,
Помогал ей билет выбирать.

Как жалел я тогда, что не властен
В мешанине смешной ворожбы
Угадать обезьянкино счастье
В тех потешных листочках судьбы.

Гладь морская волной не помята.
Чуть дрожала небес бирюза.
Почему-то почти виновато
Мы смотрели друг другу в глаза.

...Стало пусто в заветной коробке,

Но откуда-то сверху извне
Обращается голос негромкий
К обезьянке моей и ко мне:

Доброй жизни вам, дети мои!
Будьте счастливы в шерсти и в коже:
Человекоподобные и
Обезьяноподобные тоже.

*

Ну, надо же было такому случиться,
Сколь нам за судьбой не плестись;
Взбрело одному троглодиту жениться,
Другой же решил развестись.

Казалось бы счастье пещерному дому
Женитьба сулит впереди,
Но тут троглодиту, пока холостому,
Женатый шепнул: «Погоди!

Тебе я, мой друг, предлагаю попытку,
Хотя бы на парочку дней
Возьми-ка ты в жёны мою троглодитку,
А я так женюсь на твоей».

И худо ли бедно, но договорились
Не веришь, пойдёшь, убедишься.
И, к вечеру ближе, шутя обженились,
Но ближе к утру – развелись.

Разочарованья ничем не измерить.
С собой прихватив топоры,
Они убежали и их, если верить,
Никто не видал с той поры.

А две троглодитки от этих кульбитов
Покончили жизни на раз.
Вот так и не стало у нас троглодитов!
Недавно... Почти что сейчас...

*

Хорошо нам вместе,
У прибрежных вод
С кружкой под песни
И наоборот.
Будет ночь не длинной,
Зоренька моя.
Зацвела калина
Где-то у ручья.

Запрокину кружку,
Да слова найду
И свою подружку
В рощу уведу.
Заведу, не брошу
И услышу там:
«Милый мой хороший,
Догадайся сам...»

Быть бы мне тверёзым,
Как никто иной,
Я б не стал берёзу
Путать с бузиной.
Ой, с калины поздней
Облетает цвет,
А у нас, не помню,
Было или нет?

Не горюй, подружка,
Горьких слёз не лей.
Выпьем, где же кружка –
Станет веселей!
Веселее станет,
А быть может – нет.
Сердца не обманет
Облетевший цвет.

*

Зима нам больше не преграда
Бродить с тобой туда-сюда
С утра погода то, что надо.
Погода нынче – хоть куда!

В шкафу и на плечиках
с завидною лёгкостью,
Уставшее за зиму
отдыхает пальто.
А где-то в Шотландии
с привычной упёртостью
Кому-то мерещится,
снова что-то не то.

А мы поём: «Весне – дорогу!»
И вновь смеёмся над собой.
А, если так, то, слава Богу
И летний грезится прибой.

Себе доверяемся
в стихах, да и в прозе мы
Пусть даже конкретного
не хватает при том.

А где-то в Шотландии
на том самом озере
Всё больше желающих
видеть, что-то не то.

И от серьёзных до беспутных
И, повышая мастерство,
Мы все хотим ветров попутных,
По крайней мере – большинство.

Опять распогодилась
погода у нас с утра
И всё будет правильно
и в этом, и в том.
А кто-то в Шотландии
со дна того озера
На нашей поверхности
видит что-то не то.

*

Такая вот картинушка
От нас невядалеке:
Стоит у речки ивушка
В осеннем парике.

Что завтра с нею станется,
Что зря, а что не зря?
Стесняется красавица
Спросить у октября.

С кем будет встреча скорая?
Но унесёт ответ
Речной волной, которая
Вот-вот была – и нет.

До срока затаившийся,
Шагнёт через порог,
Ещё не оперившийся,
Студёный ветерок...

Такая вот картинушка
От нас невядалеке:
Грустит над Волгой ивушка
В осеннем парике.

*

ДВА ДИАЛОГА

...В этом таёжном «городе» то ли в насмешку, то ли от доброго юмора, но метрах в полста от взлетно-посадочной полосы, на избушке цвета ягеля, чуть выше входной двери прямоугольная фанерка беспардонно дерзила надписью: «АЭРО-ПОРТ». Внутри строения, вдруг такое знакомое оконце в форме лошадиной сбруи – дуга без колокольчика, почти наполовину застеклённая инквизиторской амбразуркой, чтоб клиент – невольник, о своём главном, вопрошал бы исключительно в поклоне:

- Билеты есть?
- Нет.
- А почему? Кроме нас лететь-то больше некому.
- А потому. У диспетчера дочь замуж выходит. Все лётчики пьяные.
- А завтра?
- Завтра тоже не улетите. Они ж опохмеляться будут. А что, лётчики, не люди что ли?!

... На третий день загрузили «Аннушку» рюкзаками и всем тем, что впоследствии будет называться «спортивным плотом»:

- Когда полетим, командир?
- Жуки летают. А мы ходим рейсами.
- Ну, и когда пойдём?
- Когда дверь за собой закроете.

Мы закрылись на оконный шпингалет.

И пошли...

ФРАЗА НА ПАМЯТЬ

Директриса детского садика Ольга Ильинична, (дама одинокая), недолюбливала моего соседа по подъезду Славку Петрова. Особенно после того, как он пропил стиральную машинку ...

Слава работал монтером, а жена его – Мария служила уборщицей в том же детском саду, где с утра до вечера пребывал их сын Володька, постоянно терявший, что-то из общественных игрушек.

Вот как-то раз наш Славик, в небеспроигрышную государственную лотерею выигрывает стиральную машинку! По тем-то временам!

Добрейшая Маша спешит сообщить директрисе, что благодарная семья Петровых дарит их старую, но почти как новую, стиральную машинку ей – дорогой Ольге Ильиничне! Ваша машинка! Ваша! Вот радость-то! И женщины во взаимном порыве протянули друг к другу руки, будто собрались похоронивать.

Но тут, в обрамленье шкафчиков детских их взору является старший Петров...

– Ж-жена, мы с-с ребятами нашей старой ма-а-шинкой обмыли новую. И вот ...

Его перебил Вовкин плачь:

– А я лошадку потерял деревянную о-общую!

И тогда, в меру ошалевшая (и такая правильная) Ольга Ильинична, произнесла те самые слова, ради которых я поделился с вами всем вышеизложенным:

– Эх, вы, малой да взрослый. Только и умеете, что терять да пропивать то, что вам не принадлежит.

Простим её...

Да и Вовку тоже...

Вместе со Славиком...

ЕДИНОГЛАСНО

На улице вождя, за рынком возле бани открыли похоронное бюро. Дело за малым – как его назвать, если всё уже обозвано: «Гроб – баюн», «Жди меня», «Цветы запоздалые», «Все там будем», «Вперёд – и вниз!», «Раз дощечка, два дощечка», «Только раз», «Ваше тело – наше дело», «Пора, брат, пора», «Под лежащий камень», «На посошок», «Дальше не куда», «Живым на зависть», «Не холодно – не жарко», «Кто на новенького?», «Право на отдых», «Наши гробы исправляют горбы», «Хорошо лежим», «Здесь Русью пахнет», «Молчанье – знак согласия», «Наше вам - с кистями», ну, и т.п.

И тут, одного из трёх работников осенило обратиться к опыту колхозных вывесок. Но щекотливо и важно... к которой?

«Заветы Ильича» - не так поймут.

«Светлый путь» - оборжуются.

«Рассвет» - возразят.

«По зову Партии» - посадят.

«Вечный зов» - отметелят.

«Пионер» - подпалят.

«Эй, ухнем!» - переспросят.

«Власть трудодням!» - отметелят ещё раз.

И здесь второму из трёх припомнилась речёвка с открытия колхоза «За коммунизм»:

«Коль голос сердца позовёт –

Могучими шагами

Мы в коммунизм войдём вперёд

Обеими ногами!»

Третий, он же начальник, был строг и краток:

– Итак, решено. Кто «за»? Принято.

И похоронное бюро, одолжив у памятных строк три ключевых слова, ещё долго называлось:

«ВПЕРЁД ОБЕИМИ НОГАМИ!»

УЧИТЕ ФРАНЦУЗСКИЙ

Этот господин в шляпе, не иначе, как нынче, стал «отличником» по французскому языку. А то с чего бы на его лице такая не прикрытая, не наша, но, какая-то торжественная мимика?

Вероятно, что именно таким вызывающим всеобщее осуждение видом, он и привлёк к себе внимание сидящих на скамейке мужчин. Им тоже было хорошо после выпитого, но видимо не настолько, чтоб вдохнуть аромат чужого праздника:

- Привет, шляпа! С чего так раздухарился?
- Бонжур! Ожурдюи иль фэ трэ бо!*
- Мужики! Он нам хамит!
- О, мсье, бэль эспри.**
- А в рыло не дать?!
- Жё суэт кё ву пасье бьен лё тан.***
- Слышь ты, угомонись, добром просим!
- Жё нё ву компран.****
- Да заткнёшься, ты наконец, шпионская твоя морда!

Непривычная обычному слуху речь дала законный повод, чтобы вокруг «беседующих» собралась толпа любопытствующих. А вскоре и вовсе большинство граждан встало на сторону соотечественников. В адрес хозяина шляпы посыпались, только разве что не угрозы:

– У-у, развелось! Надо бы в морду. Ещё не поздно. А ты часом не больной? Мигом вылечим. Ну-ка, вякни что ещё.

И неожиданным басом он рявкнул, налегая на букву «о»:

- Пойдите в жопу, козлы круторогие!
Толпа облегчённо вздохнула
и восторженно заплодировала!
Господин снял шляпу и поклонился...
Адъё!

*Добрый день! Сегодня прекрасная погода!

** Вы остроумный человек.

***Желаю вам хорошо провести время.

****Я вас не понимаю.

ИЗДЕРЖКИ СКРОМНОСТИ

Меньше всего я похож на лампочку, но и у меня случаются минуты просветленья. И тогда на руинах

взорванных потёмок, в освещённых лабиринтах собственной, но такой незнакомой души, в оседающей пыли неистовой скромности, явно читается вопрос о том, что оставаться ли мне самим собой или всё-таки стать ещё лучше!

Увы, это – не ирония, а почти постфактум того, как часто застенчивая озлобленность является нам результатом прогрессирующей скромности. Вот и выходит, что скромность должна быть предприимчивой. Или, хотя бы не инфекционно больной.

Так вот же пример:

– Великолепно, юноша! Восхитительно!

Абсолютное знание предмета!

– Ну, что вы, профессор, я просто учил и только.

– Полноте скромничать. Прошу зачё-ёточку.

– Профессор, а на сколько я сдал?

– На сто раз отлично, голуба моя!

Давайте вашу зачётку.

– Ну, может быть, всё-таки, где-то ошибся?

– Господин, студент, не кокетничайте.

Мне ещё остальных выслушивать.

– А мой ответ понравился бы основоположникам этой науки?

– Да вы я вижу, батенька, совсем дурак.

Какие основоположники?!!

– Те, которые основы положили...

– Где положили, пусть там и лежат, и жрать не просят! Зачётку!!

– Значит, всё-таки, отлично?

– Отлично... и разойдёмся по-хорошему...

– Вот видите, профессор, сами говорили «на отлично», а теперь уже «по-хорошему».

Так мы с вами и до «удовлетворительного» дойдём.

...Когда лежащий на полу профессор открыл глаза, в них тыкали зачётными книжками, пришедшие на экзамен студенты, приговаривая, как один: «Мы тоже скромны, но не до такой же степени! Поэтому согласны сразу и без мук». Профессор благодарно кивал и, не глядя в их сторону, почти на ощупь всем ставил «Отлично».

А скромняга студент попал под пересдачу...

ПРО ЭТО, ИЛИ ЕЩЁ НЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Она о нём: «Это не мужчина... Это ничто... Это – как воздух в профиль».

Он о ней: «У этой дамы тело фруктовой мушки...

Видимо, она не ест мяса».

Она остригала его букеты и гуляла по лепесткам с кошкой на руках.

Он посвятил ей поэму «Лысая хризантема» и умер от вчерашнего портвейна.

У неё отнялись ноги.

А ей так не терпелось побывать на его похоронах.

Вот, собственно, и всё...

ТАКОЕ ЛИЦО

Ночью было им, хоть не долго, но так просто и хорошо, что на том и порешили. И это логично. Под утро же логическая точка чуть было не рассыпалась бисером замысловатых многоточий.

Она: Почему у тебя такое лицо?...

Он: Странное?...

Она: Нет. Такое...

Он: Прости, но...

Она: Прощу, если сочту себя виноватой...

Он: Так что не так?!...

Она: Твоё лицо...

Он: Странное?...

Она: Нет. Такое...

Он: Какое?! Мать твою!!!...

Она: Ах, так... Значит, собственно, и всё?...

Он: Собственно, и что?!...

Она: Прости, но...

Он: Прощу, если сочту виноватым себя...

Она: Оно у тебя... такое... такое...

Он: ???!!!

Она: Ты очень изменился, особенно лицо...

Он: Мы только что проснулись!

Она: Значит, когда спали...

Он: !!!???

Она: Поцелуй меня таким лицом... И уходи...

Он: Сегодня выходной...

Она: Придёшь в понедельник... Вечером...

И он пришёл... И повторилась ночь...

Им было хорошо.

И это логично.

Точка.

Эх, доктор, доктор...

Довелось мне на днях, по случаю, коротать отрезок жизни в палате хирургического отделения городского стационара, в соседстве с дедом, эдак лет восьмидесяти не меньше. Прошу вас, друзья, запомнить его возраст,

дабы легче вникнуть в суть интриги нижеизложенного диалога. Итак...

В палату входит врач, здоровается, садится на стул у койки деда и, улыбаясь, обращается к старцу:

– Ну-с, чем сегодня порадуете?

Дед будто бы только и ждал этого вопроса, потому и отреагировал мгновенно. Но не просто ответил, а скорее, недовольно пробурчал:

– Да чему уж тут радоваться.

– Так разве ж нечему? Мы вас, уважаемый, почитай, с того света переправили.

И тут я вдруг отчётливо себе представил, как сейчас старик саркастически пропоёт в ответ что-то вроде:

– А никто и не проси-и-ил...

Но вместо чего-то ожидаемого, дедок выдал на гора не менее смысловую формулировку:

– Бог дал - Бог взял.

– Он-то здесь причём?! Оперировал вас человек, но не всевышний. С таким настроем вам на свободу не рановато ли? Того гляди разагитируете добрых граждан так, что они перестанут к нам обращаться.

Дедок неожиданно подмигнул мне и громко прошептал на манер шипенья:

– А пусть не хворают, вот и меньше с ними возни будет!

– Да-а-а, разговор у нас, что надо... Ну, да ладно, я как мог свой долг исполнил, что смог сделал. Отдыхайте.

Врач поднялся со стула и собрался на выход, но не тут-то было. Старик-язва уже у самой двери задержал его голосом отставного прокурора:

– А что это вы там, доктор про свой долг намекнули?

Явно думая о делах предстоящих, хирург недоумённо пожал плечами:

– Какой долг? Чего? Кому?

– Уж я-то памятливей. Вы при свидетелях ясно сказали что, мол, долг свой исполнили и что смогли – сделали. Так?

– Ну да.

– Но ведь если вы сделали только то, что смогли, тогда выходит, что имеются среди *ваших* и такие, кто сделал бы это лучше. Так вот, любезный, и ответьте старому, только по правде, сколько вы - тем, что смогли - мне в остаток годков накинули.

Врач уже не улыбался... Он, стоя у спасительной двери, посмотрел на старика чуть поверх его ковыльной головы и на полном серьёзе выдохнул:

– Как минимум: девятнадцать.

– А если б меня кто другой...

Не дав тому договорить, хирург со словами: «Тогда бы как максимум: двадцать», – покинул палату.

Дед негромко ухмыльнулся и досадливо изрёк:

– А всё ж ты годик у меня откоцал.

И без паузы добавил, обращаясь к закрытой двери:

– Эх, доктор, доктор...

P.S. ...Назавтра в день выписки я оставил деду-соседу свои новые костыли. Просто так. С благодарностью... За сюжет...

ЛОКОТОК

Когда-то в прошлом веке моя бабушка Настя (мать по отцовской линии), если что, выговаривала мне: «Будет близок локоток, да не укусишь». И ведь не локоть, заметьте, а – *локоток*. «Ну, что за локоток такой?»,- задавался я детским интересом, представляя «локоток» то котёнком, то воробышком. А, если оно так, то зачем *их* кусать-то?! И вот, как-то раз...

К нам в дом явились гости. Нет, ну, конечно не в дом, а в квартиру. И, уж если под словом «явились» представить ангелоподобных соседей с бражкой в подперьях, то квартира, (спасибо пленным немцам – застроили улицу), двух-комнатный Рай на шестерых!.. Но вернёмся к *локотку*...

Соседи с собой дочку прихватили, блондинку лет шести. Взрослые для нас соорудили из двух табуреток, что-то вроде маленького столика, сами сели за большой, ну и принялись... А баба Настя стала обхаживать нас – детёнышей. Принесла супчику в тарелках, да и приговаривает: «Вы дуйте, дуйте на него, он, ведь, гляди с огня только-только»,- это она так про кухонную плиту. И душевно, негромко посоветовала юной блондинке: «Ты бы, дочка, побереглась. Не, дай бог, ошпаришься. Убери от тарелки локоток-то». ...Локоток?!!!

Машинально повернув голову, я упёрся глазами в пухленькое, бело-розовое аппетитное ЧУДО. Это был ОН! Ах, бабуля, как долго твой не разумный внук шёл к этой встрече. Это я-то не укушу?!!! И свершилось! С недетской силой зубки ребёнка сомкнулись на доселе нетронутом, нежном локтевом суставе. Точнее, на его малой части. Но и этого хватило, чтоб соседское дитя заорало так, что, наверное, проходим за окном показалось, будто наши родители уже напились и теперь порят нас ремнём в воспитательных целях.

...В общем, ничего страшного. Подумаешь: укушенная кость, сломанный зуб, слегка ошпаренные супом коленки, истерический хохот взрослых и ещё долго выпученные глаза крошки-блондинки.

Может об этом и не вспомнилось бы, но недавно после концерта ко мне подошла белокурая дама и с улыбкой произнесла: «Я Анна. Помните локоток?..»

КРЫША

Вот как-то раз мужик с крыши свалился.

Ну, упал и упал. Эка невидаль! А может крыши на то и пригодны, чтобы время от времени с них соскальзывать. Да и дом не высокий, всего два этажа ростом-то. Хотя, конечно жаль упавшего. По лицу и с виду – в меру пьющий, слегка полноват, но опять же в пределах здоровья. И уж, коль полез на верхотуру по своей воле, то и винить, стало быть, некого. Потому и звонить куда-то нет нужды-причины.

...Примерно так обсуждали неудачный полёт с крыши, стоявшие кружком вокруг тела незнакомые зеваки и соседи. И только ребята, пока ещё не посвящённая в примутнённые тонкости возрастных измышлений, молча сопела, пытаясь протиснуть белобрысые головки сквозь сомкнутый строй взрослых колен.

Но, к слову сказать, народец наш, понятлив и отходчив. И, значит, не смотря на то, что летун болезный отнял у них время для дел и нужд личных, решили-таки сердобольно переместить его по месту прописки. Да вот, только было нагнулись, как на общескорбном выдохе: «Раз, два, взяли!», - лежавший открыл глаза и уверенно-загробным голосом изрёк: «Не кантовать!».

Мать, моя!!!

Хорошо, что «покойничка» на плечи поднять не успели... Потому, как упади он второй раз, даже и с такой высоты, то уже вряд ли сумел бы продолжить своё обращение к оцепеневшим в полубмороке гражданам. То есть, его бы не просто уронили, но постарались отбросить, как можно подальше...

В этот раз обошлось. И он, не вставая, скрестив руки на груди, и придурковато улыбаясь, вновь заговорил, но уже на манер елейного сказочника невесть, как и откуда явившего себя взору и ушам частично окаменевшей толпы:

— Братья сограждане! Отзовётся ли голос мой нежным треньканьем в колокольцах ваших душ — сие неведомо. Но уж, коль суждено мне было, не далее как нынче спорхнуть, аки ангелу с крыши жилища человеческого и пребывать по чуду в невредимости, то и, стало быть, извиняйте, любезные, за ту хреновину, которую сейчас начну пороть. В общем, пока я там по наклону черепицу задом шлифовал, да потом летел в планету мордой, открылось мне виденье! Будто ступаю босым по летнему лугу ясным днём. Птички, бабочки, гнус мелкий, в озерке лягушек хор, травинки, букашки, лепёхи коровьи и прочее. Вдруг навстречу, ни возмись откуда, старик. И намекает душевно, что подарит он мне аквариум с Золотой Рыбкой. С той самой, из Пушкина А.С. А, поскольку ты, мол — грамотный, то, небось, не корыто у неё попросишь-то. Только вот, говорит, запомывал, где ёмкость та находится. Зато тебе, мил человек, то место само откроется, ежели ты, в одночасье и по доброй воле опять с той же крыши навернёшься. Но в этом разе ноль гарантий, что останешься в живых. Коли сам не пожелаешь, так твоя попытка к любому другому перейдёт. Просто так, автоматически. Да и рыбке всё одно...

Мужчина попросил помочь ему подняться. Покачал головой и со словами: «Автоматически... к другому...», - прихрамывая, двинулся к подъезду.

А в толпе, суетливо переругиваясь, принялись делить кому первому карабкаться на крышу.

*

В парижском кафе разговаривали двое наших бывших соотечественников, явно не бедствующих по жизни:

— На днях улетаю по делам.

— Куда?

— За границу в Россию.

Чем не пример ироничного юмора преуспевающих снобов.

*

В репертуаре известной советской эстрадной певицы Клавдии Шульженко были и «Песни о войне». Одна из них называлась: «Давай, закурим!».

...Давай закурим, товарищ, по одной.

Давай закурим, товарищ, мой!

Это произведение из разряда тех, что у фронтовиков вызывало и воспоминания и слёзы... А уж как Шульженко, пантомимой «заряжала» на сцене «самокрутку»!

...Вспомню я пехоту,

И родную роту,

И тебя – за то, что ты дал мне закурить.

Прошло чуть больше полувека. Просвещённая страна вступила в борьбу с очередным мировым злом – НИКОТИНОМ ...Баннеры, транспаранты, общества, секции, лекции, призывы типа: «Брось курить – выплюнь бяку!» и т.п. И вот в День Победы рьяный телережиссёр в той песне на слове «закурить» убрал звук. Шульженко спела:

...Вспомню я пехоту,

И родную роту,

И тебя – за то, что ты дал мне...

Что уж *он* ей там дал так и осталось за кадром.

*

На московском фестивале авторской песни меня «поселили» в одну гримёрку с Валентином Никулиным – актёром театра «Современник». Он поздоровался со мной так, будто мы, если и не друзья, то уж, как минимум старые знакомцы:

– Душевно рад! Не забыл ещё ту посиделочку в ресторане ВТО (Всесоюзное театральное общество)? А давай-ка по коньячку! Сходи, брат, в магазин, тут за углом. Буду ждать.

Денег у меня было, как говорят евреи: в обрез. Но коллеге Табакова, Ефремова, Евстигнеева и Гафта намекнуть на складчину не решился. А, когда принёс ему напиток, меня уже ждали на сцене.

Возвращаюсь в гримёрную с пересохшим горлом от мысли про божественную влагу и лицезрю фрагмент фильма ужасов. Два му..ка берут интервью у третьего, а перед ними на журнальном столике обёртка от сырка «Дружба», прижатая пустой бутылкой. Никулин, завидя меня, улыбнулся, распахнул руки и произнёс нараспев:

– Знакомьтесь, друзья журналисты. Это – сын моего друга из Гамбурга.

Хотел ему возразить, что, мол, и не германец вовсе я, а всего лишь внучатый племянник арабского шейха.

Но после облома с коньяком, шутить, как-то расхотелось...

*

Природа хлюпала носами туч, а заполошные поэты, внимая столам заезженной музыки, точили до дёсен прокуренный клык на профиль якобы только им отдающейся Осени.

*

Казалось бы, чего проще – сесть в поезд и всего-то через двое суток, не успев устать от зануды-попутчика, наконец, явить себя иному воздуху, где горы, облаками укутавшие лица, и облака высокие как продолжение гор. Но чем ярче наши желания, тем контрастнее моменты истин.

На станции «Минводы» загорелось нам запечатлеться на фоне очень пожилого строения, именуемого вокзалом. И тут же попали в *гостеприимные* объятья четырёх джигитов, именуемых милиционерами. Добродушно потыкивая дубинками, они загнали нас в некое помещение, где ненавязчиво приказали отдать плёнку и заплатить штраф 700 рублей. На вопрос:

– Командир, откуда такая такса и как давно в этот сарай перенесли штаб ракетных войск? – прозвучал ответ обыденный до отрыжки:

– У себя в России будешь так шутить.

Примерно по тому же сценарию, когда часа через три наша группа на «газели» пыталась проехать в Баксанское ущелье, была встречена на блокпосту бравыми автоматчиками характерной внешности. У нас отобрали документы, и я невольно ощутил прилив законной робости с последующей потерей юмора. Дальше было просто и до обидного банально: наш водитель открыто передал бойцам половину причитавшейся ему оплаты, нам вернули паспорта, и мы вновь почти обрели потерянный было статус граждан великой и неделимой державы.

*

К Первому апреля послал в журнал подборку эпиграмм. Одна из них гласила: «Весна – это основа жизнеутверждающих процессов, где ледоход оттаявших сердец грозит «половодьем чувств», а глаза бессонного поэта – как две камбалы в период нереста».

Ответ из редакции: «Иронический задор в присылаемых Вами эпиграммах приятно намекает на Ваше стабильно-гражданское отношение к внешним проявлениям окружающей среды. Что в свою очередь, является добрым напоминанием тому, кто ещё не определил свою единственную позицию на полях поэтических баталий».

*

К очередному Дню химика позвонил редактор газеты местного, но крупного химпредприятия: «Старик, выдай к празднику чего-нибудь, но такое, чтобы и работягам и умному начальству». Назавтра посылаю стих:

Я химию люблю! Во мне давно
Живут без производственных отрывов:
C₂H₅OH и H₂O –
Слагаемые творческих порывов.

...И т.д. и т.п... А в финале:

...Что на гибридных двигателях ввысь
Мы космосу несём свою культуру,
И что журналы «Химия и жизнь»
Я до сих пор не сдал в макулатуру.

Звонок: «Братишка, отпад! Но добавь серьёза».

Немного порылся в справочнике и получилось то, что и напечатала заводская многотиражка, как «вступление» к «несерьёзным» стихам:

Химия! Как много в этом слове для тех, кому оно понятно и близко. А поскольку мои познания в плане химических научно-прикладных изысканий, как и прежде на уровне этаноловой алифатичности,

получаемой в процессе гидратации этилена, то, пожалуй, перейдём к лирике, что представляется мне той же химией с оглядкой на принцип валентности в соединении атомов рифмованной строки.

*

19 мая 1976 года

К тому времени, уже имея какую-никакую способность к сочинительству, я брал, что называется – «работу на дом», т.е., творил заказуху. И вот, как-то в городском Доме пионеров в День рожденья их организации выразительно продекламировал:

Ты здравствуй, мой друг и товарищ!
а помнишь, как просто и ясно
По-новой рождались названия
исконно природных явлений,
Лишь к ним добавляли, однако,
единственно правильный термин:
Костёр – «пионерский» и зорька,
проснувшаяся «пионеркой».
За ними журнал и газета...
товарищ, ты вспомни всё это!

Подростки зааплодировали, а пионервожатая Лиза повязала мне галстук и отдала честь.

*

Кстати о стихах. В номере гостиницы на стене красовался вид столицы с нижеизложенным творением. Из этических соображений фамилию поэта озвучивать не стану и да простят меня почитатели его творчества:

Я сквозь туман осенний мчусь туда,
Где первый стих взрастил украдкой.
Твоя, Казань, виднеется гряда,
Моих стихов-цветов ты – грядка.

*

Мой знакомый поэт – профессиональный ветеран *комсомолец*, заметил как-то в пьяном кураже: «Подругу любить надо яростно, так, как если бы ты нагишом строил узкоколейку под вой пурги и свист кулацких пуль. ...А ревность – это те же рельсы, только поперёк».

*

Перед концертом попросили не петь такую-то песню, поскольку именно «в этом городе она может быть истолкована нежелательно».

*

Как-то за столом, не помню с чего вдруг, начал рассказывать присутствующим про то, как в 1919 году под анархо-кулацко-крестьянскими знамёнами батяки Махно служил, тогда ещё молодой, мой будущий родной дед. И вот в небольшом хуторке ему приказали расстрелять юношу еврея. Он вывел паренька за околицу и велел тому убегать, пообещав что выстрелит в воздух. Перед тем, как скрыться, парнишка спросил у махновца:

— Кому во здравие свечку поставить?

И услышал в ответ:

— Егором меня зовут...

...За столом напротив, хорошо знакомая мне женщина, как-то странно и протяжно ойкнув, почти прошептала:

— Можно я продолжу? Тот мальчишка вырос и прожил интереснейшую жизнь. Стал известным учёным, профессором и в своё время преподавал в Куйбышевском авиационном институте. Это... мой дедушка. И он запомнил имя — Егор.

*

Из воспоминаний отца:

Вот только-только пересекли мы границу Германии и в каком-то, не помню названия, городке случилась у нас передышка. Мы и не догадывались, что наш геройский взвод вскоре собираются отправить в Маньчжурию. В общем, вылез я из танка по малой нужде и нос к носу сталкиваюсь с немецким воякой. Ну, совсем мальчишка. Наверное, ефрейтор. Ему бы сразу меня хлопнуть, а он так медленно руку с пистолетом поднимал, что я успел и её перехватить, и оружие выбить. Потом развернул к себе спиной того немчика да и так врезал сапогом под зад, что он взвыл, подпрыгнул и побежал. И тут за моей спиной раздался свист и улюлюканье. Обернулся. У танка стоит мой экипаж. Хохохот и в ладоши хлопают. Механик-водитель курит и говорит: «Это хорошо, Егорыч, что ты его не пристрелил. А уж вот такого-то пинка от нас они точно на всю жизнь запомнят».

*

По осени в городской газете напечатали мои стишки о любителях грибной охоты. Иду к киоску «Союзпечать», навстречу приятель со словами: «Здравствуй, тигр невинный!». Пожал плечами, поздоровался, иду дальше. Ещё один знакомый: «А-а-а, тигр невинный. Ну, привет!» Уже недоумение. Покупаю номер, открываю на предпоследней странице и вижу свои вирши под общим заголовком аршинными буквами: «Я В ЛЕС ВХОЖУ, КАК ТИГР НЕВИННЫЙ». Какой тигр?! Что за хрень?! Через пару-тройку секунд прояснился казус: не по злому умыслу, а скорее по невнимательности объявился тот тигр лесной. Потому как строчка автора звучала менее эксцентричнее: «Я в лес вхожу, как *в тигр* невинный, знакомым кланяясь грибам».

Но самую звонкую ошибку допустили журналисты тольяттинской газеты «За коммунизм» 7 октября 1983 года (в андроповские времена!). Номер был посвящён Дню Конституции СССР, соответственно передовица так и называлась — «Основной закон жизни каждого», за подписью маляра цеха № 44 сборочно-кузовного производства ВАЗа, депутата Верховного Совета РСФСР О. Коноваловой: «Вступив недавно в ряды КПСС, я

понимаю, какая великая честь быть членом Коммунистической партии Советского Союза, партии В.И.Ленина, вдохновителя и организатора всех наших б е д».

И началось! Тираж срочно изъяли и напечатали новые 80 тысяч экземпляров, которые читали и перечитывали вдоль и поперёк. Сотрудники КГБ устроили настоящее расследование, но доказать, что это идеологическая диверсия, подготовленная империалистами США и Западной Европы, так и не смогли.

*

В детстве мы с сестрёнкой на нашей невместительно тесноватой кухоньке старались поужинать до прихода родителей с работы. Снедь готовила бабушка. Как-то покормив нас куриным супом, собралась было прибрать на столе, как пришли родители. Мама спрашивает, что, мол, дети-то кушали? На что бабушка приподняла от стола две суповые тарелки, приблизила их к матери и, произнесла душевной скороговоркой: «Ели, ели! Вот их кости!»

*

Лёня Ваксман и жена его Эсфирь, случайно повстречав меня в городских пределах, так откровенно обрадовались, что я и сам на минутку собрался неестественно испугаться. Мы, действительно, не пересекались давненько, да и раньше-то как-то не особо друг о друге душевно пеклись. А тут подзабытый мною Лёня соорудил лицевой мимикой что-то вроде укора в мой адрес: что, мол, это я, а не он душевно не пёкся о лучшем в его лице друге:

– Эх, старина! Забронзовел! Писателем заделался? Своих не узнаёшь, да и самого-то днём с огнём... Ну, да ладно, не сержусь и хочу, по-дружке, подарить тебе, как минимум месяц творческого уединения в моём деревенском коттедже. Пушкину – Болдино, Блоку – Шахматово, Горькому – Капри, а тебе, старик – трёхэтажные хоромы в деревне Васильевка! Лес – грибы, речка – рыбалка, вечер при свече, пиши-сочиняй!

Эсфирь, не переминаясь с ноги на ногу, продолжила диалог без намёка на «болдинскую осень»:

– Юрий, мы знакомы не первый день, в смысле понимания друг друга, как людей не глупых. Вы, по слухам, сейчас на финансовой мели, поэтому, не согласитесь ли посторожить наш дом, пока мы будем в отъезде за границу. Об оплате договоримся. Вот моя визитка, позвоните на неделе.

Я пробурчал, что-то вроде: «Позвоню, когда вернётесь». Больше мы не встречались. Но стороной ходил слух, что коттедж они продали и уехали...

*

Август ветшал. За окном через дорогу и загаженный перелесок поверхность рукотворного моря харкала на бурые потёки прибрежного песка изумрудом железной ряски. Уже изнывали от сонного хода небесных часов грядущие косяки перелётной сволочи. Желтеющая плоть осенней Музы ещё не ощутимо, но явно отдавала завтрашней прелью ненаписанных, безвременно увядших стихов.

А в безводной, выжженной пустыне полуголые племена сошлись в драке за место под солнцем.

И тогда я трезво осознал, что у меня закончились деньги...

*

О, имена! О нравы! В Тольятти проспект Степана Разина пересекается с улицей Дзержинского. Воспетый в народных эпосах кровожадный рэкети́р и борец с бандитизмом, напрочь лишённый поэтически-песенных воспоминаний о себе. Бандиту – проспект, борцу – улицу.

То берёзка за осиной,
То ракита над рекой –
Край родной, навек любимый,
Под горячую руку.

Ну-ка, солнце, ярче брызни!
Чудо-утро подари.
Ты любовь моя к отчизне
Ярким пламенем гори.

Широка страна родная,
Надкусить хватает всем.
Если где-то есть другая,
То и фиг бы с ней совсем.

Из-за острова на стрежень
Не впервой в который раз
Удало под пьяный скрежет
Выплывает тот баркас.

Чтоб по избам и квартирам,
На пеньке и за столом
Мы бы этим рэкетирам
Пели славу не дуром.

И родится с новой силой,
Как барашек на волне,
Старый бред кобылы сивой
На родимой стороне.

Что, мол, мы одни такие
И по силе и уму.
Не советуйте другие,
Как нам жить в своём дому!

...Ночь бредёт, сутуля спину,
Упираясь головой
То в берёзку, то в рябину,
То в ракиту над рекой.

*

Тогда ещё в Советской армии замполит, куда-то ненадолго отъезжая, приказал нашему старшине провести политзанятия на тему: «Народ и армия – едины!». Не буду ворошить всю ахинею, которую нёс хозяин ротных сапог и портянок, но один его постулат я запомнил сразу и до сего дня: «Это пусть там у них гора с горой не сходится, зато у нас народ и армия – едины как друг, товарищ и брат!»

*

В Карском море на краешке арктической льдины стоял себе белый медведь. Неподвижно и крепко возвышался здешней фауны хозяин на своих четырёх и могучих лапищах над зеленоватой холодной вечностью полярных вод. А у меня в руках, как раз оказался фотоаппарат. Вот и повёл я объективом с палубы танкера в сторону, того о ком речь. Но гигант мгновенно, по-спортивному – лапами вперёд – соскользнул в пучину карскую. Сниматься, видите ли, он не захотел! Тоже мне – хозяин Арктики... Недотрога... Цаца – черноносая!

*

Рижский музей анатомии. Панорама «Средневековой чумы» – эффект присутствия в полумраке загробных фантазий: мостовая с трупами людей и собак, согбенные монахи в капюшонах и женщина, сидевшая у кирпичной стены, уронив голову на грудь... «Бедняжка, наверное так вот и умерла сидя, – шёпотом вздохнула моя молодая спутница, – а всё таки интересно из чего они сделаны?» На этих словах любопытная особа коснулась колена усопшей. Мёртвая женщина подняла голову с груди, открыла глаза и в могильной тишине произнесла отчётливо и почти по слогам: «Ру-ка-ми не тро-гать».

*

В рижском зоопарке прозвучал вопрос маленькой девочки:

– Мама, почему у этой обезьянки попа красная, она, что папу не слушалась?

*

В московском зоопарке в вольере (уже не помню, какого животного), остатки пищи клевали воробьи. За моей спиной раздался голос-вздых: «Господи, а этих-то за что?»

*

В Канаде над рекой Юкон белоголовый орёл нёс в когтях утку. Летел он так низко, медленно и задумчиво, что хотелось его или погладить по пёрышкам либо поздороваться негромко. Вот мы с катамарана и гаркнули в шесть глоток: «Паниковский! Брось гуся!!!» Представитель рода гордых птиц, видимо, ошалевший от российской наглости выпустил добычу из когтей. Хохоча и улюлюкая, команда, не сговариваясь, долбанула вёслами по воде, устремляясь к подранку. Но орёл спикировав, выхватил облюбованную жертву из под носа нашего судна. Обе стороны идиотского конфликта остались довольны: местный житель тем, что не остался без пищи, а российские туристы собственным мнением о том, как они запросто напугали канадскую бестию.

*

Монреаль. Отель «Европа». Над парадным входом аршинные буквы предупреждают: «NO SMOKING!». Собираемся в одном номере. Выпиваем по первой. З а к у р и в а е м... Стук в дверь. «Да-да». На пороге пожилой служащий:

- Hello!
- И вам не хворать.
- Давно из дома?

В ответ слегка недоумённо:

- ...Неделя как.
- Do you know English? (Вы владеете английским языком?)
- No.
- Ну, No или не No, но платите штраф, пацаны!

*

Заказали мне написать сказку. «Только,- говорят,- без этих: «жили-были...» Я и написал:

Не жили-не были не дед, не баба. Не была не у них не курочка, не ряба. Не снесла не курочка не яичко не не простое, не а не золотое. Не мышка не бежала, не хвостиком не махнула, не яичко не упало не и не разбилось. Не дед не плачет, не бабка не плачет, не а не курочка не кудахчет: «Не не плачь, не дед, не не плачь не бабка, не я не снесу не вам не яичко не не золотое, не а не простое.

Заказчик прочитал и задумчиво произнёс: « Ну, не ничего себе хреновина».

*

У входа в один панорамный зал «Воинской славы» висела табличка: «Ветеранам войны вход свободный. Детям бесплатный».

И всё же иногда доморощенное словотворчество поражает зрение и слух не только дебилизмом архитектора фразы, но вызывает здоровое умиление и желание поделиться с хорошим человеком и содержанием написанного, и чувством, которое оно у тебя вызвало.

На это раз без комментариев. ...В портовом городе Певек на дверях магазина читаю и... делюсь: «Здесь закрыто. Вход со стороны океана».

*

Одесса. Табачный киоск.

- Папиросы?
- Есть.
- Сигареты?
- Есть.
- А сигары?

- И это тоже есть. Но, мужчина, не ешьте всё сразу.

*

В том же городе. Рядом с Потёмкинской лестницей громкоголосый фотограф:

- А вот кого на фоне Дюка Ришелье?!!

У меня с собой было часа два свободного времени, и я решил беззлобно покуражиться:

- А можно Дюка на моём фоне?
- Делайте позу, да простит меня Ришелье.
- А если без Дюка? На фоне неба и, допустим, просто по пояс.
- Не морочьте мне аппаратуру! Если вам на паспорт, так это за углом.

*

После выхода на всесоюзный экран достойного фильма «Белорусский вокзал», в народ вошла песня со словами: «Едва огонь угас, звучит другой приказ, и почтальон сойдёт с ума, разыскивая нас». Смысл понятен – война, неразбериха и тому подобное. Мне предложили исполнить её для ветеранов, и не выучив толком текст, я вышел на сцену Куйбышевского дома актёра. Начал, вроде бы неплохо, по ходу вспоминая текст, но увы получилось у меня что-то вроде посвящения дезертирам. Потому что я душевно спел: «Едва огонь угас, звучит другой приказ, и *командир* сойдёт с ума, разыскивая нас».

*

Очередной слёт туристов у подножья Жигулёвских гор окончился далеко за полночь. Романтик Олег обращается к своей девушке: «Любаша, хочешь, покажу тебе Полярную звезду над простором волжской необъяти?» На что Люба ответила, не задумавшись: «Да поздно уже, пойдём спать. Утром покажешь».

*

Сломал я себе рёбра. Бывает. Сосед пошупал и говорит: «Три штуки, как с куста». Звоню другу: выручай, мол, отвези на машине в больничку. Тот приезжает и ворчит: «Что, трудно было сломаться после праздников?! Народ бухает с песнями, а мне косить под красный крест!» Делать нечего, пришлось мне ему по дороге к врачу, рассказывать анекдоты и даже пытаться спеть скабрёзные частушки. Приехали. Поднялись в кабинет к знакомому хирургу... Потом сделали рентгеновский снимок... Затем выпили за Новый год... И далее между другом и эскулапом в моём присутствии состоялся диалог:

– Говорит, что сломал три ребра, но видимо, врёт. А то почему, пока нас на кочках трясло, острил как придурок и даже пел про баб.

Хирург посмотрел на свет ещё влажный снимок и констатировал:

- А, ведь он тебя обманул.
- Так я и знал!

- У него не три, здесь пять рёбер сломано...
- Ну, слава богу!

*

В коридоре стоматологического отделения, в ожидание своей очереди я разглядывал настенную медицинскую живопись. К моему занятию присоединился мужчина, явно озабоченный радостью грядущего протезирования. Когда дошли до плакатной вывески: «Каждый нормальный человек имеет тридцать два зуба», мой невольный спутник произнёс, ни к кому не обращаясь: «А я по ихнему, стало быть, ненормальный?».

*

Вы замечали, что мы, чем-то особенно восхищаясь, добавляем к этому эпитеты типа: «гад» или «сволочь» – например, о прекрасной игре актёра: «Что творит, нет, вы гляньте! Талантливый, у-ух, паскуда!»

В драматическом театре я присутствовал на банкете в честь бенефицианта только что отыгравшего роль Ромео. Отдам должное – сработал он на пять с плюсом. Его обнимали, произносили тосты, пили на брудершафт, дарили письма, грамоты, деньги... И тут с бокалом в руках попросил тишины пожилой маститый Народный артист: «Господа! Выразить то, как сегодня играл на сцене этот юноша, я не нахожу достойных выражений, поэтому озвучу своё восхищение в двух словах – «убил бы!» Все зааплодировали, а юноша-актёр подошёл к мастеру и они крепко обнялись...

*

В том, как моя знакомая Люда «достаёт» своего мужа, проблескивает логическая непоследовательность. Но в том-то и кайф.

– Молчи! Садись! Молчи! Есть что сказать?! Молчи! Молчи-ишь? Ну молчи, молчи... В глаза мне! Смотреть! Сидеть! Молчать! Иди мой руки! ...Остыло уже всё. Э-э-эх...

*

Решил проверить свою же версию о способе беззлобного огорчения язвы-приколиста, присутствие которого в нашей жизни это, как мелкий камушек в ботинке: его не замечаешь, пока ботинок не надет.

- Какие люди и без конвоя!
- Ты имел ввиду: без охраны?
- Тебе интересно другое мнение?
- Твоё, например...
- В общем, в твоих стихах нет вызова обществу.
- Это меня и мучает.
- Стоп. Ты что – согласен?! Экий конформизм! Хотя бы сделай лицо обиженного.
- А зачем? Жизнь прошла. Поэтом я не стал, даже просто неплохим. И, если бы не такие, как ты – искренне вникающие в суть и смысл настоящего слова, если бы не ваша откровенная правда и правдивая откровенность, если бы...

– Во рту грибы! А ты и вправду изменился. Соглашатель бесхребетный. Вот и спорь с таким. Очень ты меня огорчил...

*

За всю свою, пока ещё недолгую жизнь, со мной не происходило ничего, что и по касательной не задевало бы безразличных окружающих, а то и близких мне людей. Вот как-то...

Жил я тогда в пятиэтажке на *четвёртом* этаже. Сосед по лестничной площадке проживал в квартире с матерью, женой, маленькой дочкой и являлся штатным алкашом. Однажды, будучи «на кочерге» он поставил на газовую плиту детскую кашу и «отрубился». Мать его пришла домой, когда вонь горелой каши уже оккупировала подъезд, а за запертой «с той стороны» на щеколду дверь орал ребёнок недуром. Ей предлагают выломать дверь. Но старушка, жалея кровное, просит меня перелезть в её квартиру с балкона третьего этажа, где, к слову сказать, жила дворовая самогонщица. Я согласился на этот трюк, потому что тогда, ещё помимо прочих увлечений, имел спортивный разряд, и мы спустились этажом ниже в запах бражки.

Представьте себе те балконы... Когда выходишь на него, за спиной остаётся лишь стена дома, впереди перила буквой «П», а дальше пустота... Держась одной рукой за стенку, другой *пытаясь* дотянуться до основания верхнего балкона, *балансирую* на узких перилах. В какой-то момент опускаю взгляд и отчётливо вижу перед собой, не много не мало, лик самой СМЕРТИ. Потому что!!! Закатив неменяемые буркалы, вытянув дрожащие руки в скрюченных пальцах, бабка-самогонщица кралась ко мне, отчётливо шипя и подвывая: «Дай, тебя за ноги поддержу!» Я подпрыгнул, как укушенный, ухватился за бетонную плиту, подтянулся, ну а дальше дело техники...

И хотя, вроде, был совершён, какой-никакой, но ПОСТУПОК, его последствия коснулись не только меня. Но это уже в другой жизни...

*

Приснится же такое! А, впрочем, по порядку.

Увлечение спортивным туризмом само собой предполагает ночлег в палатках. Мой друг и соратник – Александр, кроме специального коврика, берёт с собой два спальника: один снизу, чтобы мягче, другой сверху, чтоб укрыться. Я беру один – в нём и сплю. Как-то раз вижу сон: якобы мы с Сашей партизанами попадаем к немцам в плен. Уже не помню, пытали нас они или нет, но для приличия всё же решили повесить и почему-то только моего друга. ...Мороз по коже и внутри!!!

Тут же, с ещё с закрытыми глазами, пробуждаюсь от громкого вопроса: «Зачем ты с меня спальник стягиваешь?!» Толком не проснувшись, отвечаю, как на духу: «А к чему он тебе? Тебя же повесили...» В стоящей с нами бок о бок палатке, раздаётся гомерический хохот! ...Возможно эти ребята были очевидцами той казни в моём сне.

*

В невозвратно далёкие школьные годы в нашем классе как-то проходил тематический урок на тему подвига Александра Матросова. А поскольку очень скоро нас должны были

принять в пионеры, то мы – «выпускные октябрюта», уже, в душе, как один по стойке «смирно» равнялись на лозунг: «Всегда готов!»

Урок подходил к концу, когда вожатая спросила: «А вы, ребята, смогли бы так?» Класс переглянувшись, в дитячем порыве завопил: *«А-а-а-а!!! Смогли бы! А можно я первый?! Нет, я! Как щас дам! Ой! Ай! А девочкам можно? Ты знаешь, кто мой папа?! Лежачего не бьют! Так можно девочкам или нет?!! Я отличница! Сам дурак! Ма-ама!»*

Мне тут же представилось, как мои однокашники, в чём есть, морозным днём, толкаясь локтями и штурмуя «дзот», норовят, кто первый, закрыть амбразуру. Там же в сторонке стоит печальный, не при делах Матросов. К его радости неподалёку раздаётся пулемётная очередь второго вражеского «дзота». Торопится к нему Александр, но его опережают ученики из соседнего класса...

И я расхохотался! Не знаю, что в том смехе послышалось пионервожатой, зато моих родителей вызвали к директору.

*

В конце семидесятых в Арктике я написал песню «Прощание с островом Вайгач». А Визбор тогда же шёл на ледоколе «Капитан Сорокин», который вёл наши суда сквозь ледовые поля. Где Визбор услышал мою песню не ведомо, но только уже меньше чем через год он спел на мою мелодию и очень похожий текст свой вариант – песню «Белая сова». После концерта, совершенно по-мальчишески, якобы виновато улыбаясь, выдохнул: «Юрик, можно я буду твоим соавтором?». Мне ничего другого не оставалось, как только: «загордиться».

*

Куйбышев. Номер гостиницы «Волга». Визбор перед концертом, в отказе от спиртного, предлагает мне выпить и послушать «настоящие!» стихи. Ну, думаю, сейчас начнутся: «Лыжи у печки» и т.п.... Но он, как заведённый: лысоватый и обаятельно упитанный, полчаса, не меньше, в трусах и в майке, как по плацу маршируя по номеру декламировал Некрасова, приговаривая: «Вот это, Юра, читай и перечитывай!»

*

В Жигулёвском море недалеко от берега утопили мы яхту «Мечта». Но прежде чем она пошла ко дну, об этом по рации сообщили на базу.

Сидим на камушках, «греемся» тем, что успели вынести, ждём спасателей, капитан вздыхает, а Визбор закуривает и говорит: «Ты, кэп, гордиться должен. Была б твоя «Мечта» говном – не утонула бы!»

*

Как-то раз Визбор на своих стареньких «Жигулях» помог инспектору ГАИ задержать авто-нарушителя. Через какое-то время и его самого тормозит тот же самый инспектор:

нарушаете, мол. Визбор, улыбаясь, пытался напомнить ему о прошлой, добровольной помощи, но когда штраф уже был выписан, сурово произнёс в адрес служак: «Сука ты, а не матрос!»

*

В Арктике во время ледовой проводки на ледоколе в течение ряда дней демонстрировали, новый тогда ещё фильм: «Семнадцать мгновений весны». В финале показа команду ждал сюрприз: концерт актёра из этого кино.

И вот молоденький моряк пишет объявление-афишу: «Сегодня вечером после просмотра фильма, для свободных от вахты состоится концерт члена команды Юрия Визбора». И видимо, чтобы было понятнее о ком идёт речь, дописал в скобках: «...который Бормана играл».

*

Иногда в гримёрках имеется что-то вроде громкой связи актёров с помощником режиссёра: кому-то приготовиться, тому-то на выход и т.п. И когда прозвучало: «Визбор, на сцену», - Юрий Иосифович не торопясь допил из рюмочки коньяк, и нарочито пробасив: «Не Бетховен – слышу», - пошёл к микрофонам.

*

Начало шестидесятых. Приволжский турлагерь «Спутник». В центре его на искусственном бугорке фанерный щит прикрывала памятка-инструкция на тему: что можно и чего нельзя юному туристу:

1. Соблюдать распорядок дня.
2. Правильно укладывать рюкзак.
3. В походе не пить воды из рек и озёр.
4. Тушить за собой костёр.
5. Осторожно обращаться с топором и ножами.

И прочие важные наставления.

Однажды наш мальчонка-туристёнок приняв за ужа гадюку, был ужален, но, слава богу, всё обошлось. А на щите появился новый пункт:

— Не брать в руки незнакомых змей!

*

По пути на работу в театр меня застал дождь и, поскольку время до репетиции было предостаточно, решил чуть переждать непогодинку в здании редакции городской газеты. Главный редактор мой приятель встретил меня улыбкой и вопросом: «Тебе не икалось?» И сам же ответил: «Очередное письмо в твой адрес. Прочитаешь и поймёшь, какая у меня стеганутая должность!»

Письмо: «Уважаемая редакция! Поймите меня верно. Серьёзное издание, а печатаете этого!. Ему бы стенгазетку в цирке оформлять, а не потешать подписчиков беспринципным рифмоплётством. Если не отреагируете, я напишу в Городскую Думу. А пока посылаю вам своё творчество. Пишу под псевдонимом».

Кто взятки миллионами берёт,
Позорит и Россию и народ.
Таких собрать на площади большой
И расстрелять к чертям со всей душой!

...Далее о том, что «то мздоимство разрушает среди нас единство».

В следующем номере газеты был благополучно напечатан мой «серьёзный» опус, якобы от лица того «псевдонима»:

Товарищ, редактор, листая газету,
Я искренне, вдоль, поперёк и продольно
Хочу сообщить юмористу поэту,
Что мне за него исторически больно.

Опять ежедневно приходит на память,
Что где-то и кто-то в последней рубашке.
А этому только бы позубоскалить –
То там прихихешки, то тут прихахашки.

Товарищ, редактор! Ну, в самом-то деле,
Услышьте меня, наберитесь отваги
И лучше поэта увольте в апреле,
Чтоб в мае не стал он описывать флаги.

Товарищ, начальник, нахмурьтесь бровями,
Такие поэты – начало кошмара.
Надеюсь, друг друга мы поняли с вами.
...И как там насчёт моего гонорара?

А ещё через неделю мне позвонил знакомый депутат: «Михалыч, а нам тут в Думу письмо пришло по твою душу»...

*

На турслёте не поделили принципиального мнения два бывших коммуниста, оба кандидаты исторических наук. И, когда один из них воскликнул «Да иди ты в... Коминтерн!!!», - из соседней палатки раздался женский голос: «А можно хоть здесь и без мата?! Вы же в лесу, а не на кафедре».

*

Как-то на вечеринке пел я свои песенки малознакомым людям. И, когда прозвучало: «Не будет революций и прочих передраг, как говорил Конфуций: «Я сам себе – не враг», - сидящая напротив меня дама в кресле, с шалью на плечах и с манерной интонацией завзятой критикессы, перебив продолжение песни, произнесла нараспев: «Конфуций такого не говорил». И хотя мой лексикон достаточно богат ответами на подобную хрень, меня-таки опередил мужчина, сидевший на стуле рядом с дамой: « Душа моя, у каждого

свой Конфуций. Его – говорил, твой – не говорил. Фантазия поэта, понимаешь? Аллегория, мать её! Продолжайте, маэстро». Но в благодарность своему «спасителю», так тонко чувствующему суть аллегорий, я затащил новое произведение:

Сынишка был в числе примерных мальчиков,
Среди шпаны, отбившейся от рук.
И разводил арктических тушканчиков
Его папаша кандидат наук.

Но часто, подустав от разведения,
Натягивая шляпу на глаза,
Имел не деловые отношения
С супругою кремлёвского «туза».

И с потом по всему учёному лицу
Карабкался на зубчатый забор.
Ему б на институтскую уборщицу,
А с тем забором – явный перебор.

Вот так пылая жаждой неуёмною,
Рассудком страсть не переубедил.
Не потому ль однажды ночью тёмною
В подвал с того забора угодил.

И лейтенант с фамилией Лубянчиков
Внушал ему без вычурных затей:
О пагубном влиянии тушканчиков
На поголовье белых медведей.

Пенять ли, не пенять на долю-долюшку,
От этого не станет меньше драм.
И кандидата светлую головушку
Наутро причесали девять грамм.

Сынок с мамашей тоже, тут до смеха ли –
Не избежали горестной версты.
Зимой товарным поездом отъехали
И сгинули в объятьях Воркуты.

Давайте же под влагу из стаканчиков
Мы с вами поклянёмся: нипочём
Не разводить арктических тушканчиков!
Хотя они, возможно, не причём...

...Дама, как-то удивлённо зааплодировала, при этом выдохнув: «Ну, вот же, всё понятно без китайских заморочек». А её сосед – поклонник аллегорий, кашлянул в кулак и добавил: «Неплохо, старик, но согласись, что арктических тушканчиков не бывает».

*

Учитель на уроке: «Если доска не идёт к Иванову, то Иванов идёт к доске».

*

БАЙКИ БЕЗ УТАЙКИ

Чудес – как над морями чаек.
Но я замечу без утайки:
Чудеснее рыбацких баек
На свете только... сами байки.

*

Ой, вы байки-побасёнки рыбацкие!
Не грибы мы собираем опушками.
Ловим рыбок золотых и не хвастаем,
Да таких, что не приснятся и Пушкину.
Только так и не иначе,
Кто бы что не говорил.
Пушкин, может, и рыбачил,
Но такого - не ловил.
У костра или за рюмочкой кухонной
Королевскую ушицу отведаем,
А к утру земля наполнится слухами,
Да такими, что и сами не ведаем.
Разговоры «выше крыши»,
Дни и ночи напролёт.
Тот, кто нас с тобой не слышал –
Нашу правду не поймёт.
Помню баечку из личного опыта,
Будто где-то есть сомы многотонники.
Там один поймал корову близ омута
И замки перекусил на коровнике.
Этот случай приключился
Ни сегодня и не встарь:
На корове сом женился,
Был свидетелем пескарь.
Китобойщик Филимон, как-то корешам,
Хвастал так, что вся флотилия ведала,
Как поймал он двух китов – на опарыша,
Потому что – мотыля рядом не было.
Не нужна мне та обуза,
И с китами – канитель.
Я ловлю – на кукурузу
В мутном озере форель.
Я бы с вами поболтал ещё чуточку,
Да вот зоренька встаёт с новым шёпотом.
Знать пора идти – забрасывать удочку.
Только, так недалеко – чтоб найти потом...
Ой, подружка уда,
Девка не обидчива.
Не гляди, что худа,
Но, зато – добытчива!

*

Вам скажу, куда уж внятней,
То, что рыбаку виднее:
Ледобуры – аккуратней,
Но, зато, пешня – стройнее.

*

С утра пораньше, не иначе,
Вновь рыбака труба зовёт.
Ведь женщин утренне-горячих
Ему милей зима и лёд.

*

Когда тебя жена бранит безмерно
И в ревности перегибает палку,
Скажи ей, как мужчина, откровенно,
Что от н е ё уходишь!!!
...На рыбалку.

*

Мужику нельзя иначе.
Если ты хотя бы раз
В этой жизни не рыбачил,
Прочь с моих прекрасных глаз!

*

Шёл я магазина мимо
И купил, как идиот,
Добродушного налима.
Кто же знал, что он п о ё т?!

*

Когда ты выбираешь либо-либо,
Усвой себе заранее и чётко,
Что всякая селёдка – это рыба,
Но не всякая рыба – селёдка.

*

Не примите, как обузу,
Мой совет сию минуту:
Карп клюёт на кукурузу,
А русалка – на валюту.

*

Чтобы я не занемог

В чужедальной стороне,
Полосатый окунёк
Невзначай приснится мне.

*

Вновь замечу без обмана,
В пустоту не голося:
Чтоб вкусней была сметана –
Бог придумал КАРАСЯ!

*

Для меня давно не ново
И скажу вам наперёд,
Что азартом Казанова
Рыбака не превзойдёт!

*

Рыбак от жены не находит ответ
Порой почему-то, порой отчего-то.
Но, если рыбак – он ещё и поэт,
То это, вообще, ни в какие ворота!

*

Не знаю, кто кому и кем доводится,
Но так уж повелось на веку:
Пока у нас гора с горой не сходится,
Рыбак спешит навстречу рыбаку.

*

Начинающий, друг рыбачок,
Ты запомни надолго отныне:
Чтоб навозом не пах червячок –
Надо вымыть его в керосине.

*

Я видел фото, где у рыбака
На сгибе загипсована рука.

*

Нашу память не переиначить.
Но, коль надо, могу повторить:
Человек научился рыбачить
Даже раньше, чем пить и курить.

*

Вы своих порывов не стесняйтесь.
Пусть планета слышит вновь и снова:
«Рыбаки всех стран, соединяйтесь!»
И тогда всё в мире будет клёво!

*

С рыбаками не шути
В домино играя, ибо,
Как ты кости не крути,
Но в итоге будет – «рыба»!

*

И вновь жена ему грозитя: «Либо-либо!».
А рыбаку в душе мечтается опять,
Чтоб хоть одна, ещё не пойманная рыба,
Смогла б его по-человечески понять.

*

Уловом летний день распарен,
И рыбы варится немало.
...Но мой знакомый киевлянин
Решил в уху добавить сало!

*

Рыбачь всегда! Рыбачь везде!
С огнём пылающего взора.
Рыбачь и никаких гвоздей!
Вот – лозунг мой! И рыбнадзора!!!

*

Златая рыбка на прощанье
Озвучить *главное* желанье
Просила и рыбак устало:
Сказал: «Чтоб у меня клевало!»

*

Не поверить мне нельзя:
Я вчера поймал язя.
Небольшого, если взвесить,
Так... кило на восемь... десять.

*

Червяк не оставит семье завещанье.
Рыбак отходную споёт.
И, нет, чтоб погладить червя на прощанье,
А он ему в морду плюёт.

*

В нас праздникам хватает места
Так пусть, как символы веков
По главной улице с оркестром
Пройдут колонны рыбаков!

*

Немеряно эпитетов, поверьте,
Но среди них, как чудный интервал,
Рыбак свой след оставил на планете,
Когда он даму «рыбонькой» назвал.

*

Сатиру и юмор, меняя на лесть,
Авось, от меня не убудет,
Я славлю рыбалку, которая есть!
Но трижды, которая будет!!

*

Пусть в полиции усвоят,
Только так и не иначе:
Опера рыбёшку *ловят*,
Ну а мы её рыбачим.

*

Останови сомнений бег
И слух пусти от дома к дому:
Рыбак – от тоже человек,
Но только мыслит по-другому.

*

Видна поклёвка в чуткости кивка,
Стремится леска вверх в руках умелых.
И вздрагивает сердце рыбака,
Как в юности от поцелуев первых.

*

Пусть жаркий полдень иль мороз приличный,
Дурман весны иль осени разлёт:
Будь бдительным рыбак, как пограничник,
Тогда и рыба мимо не пройдёт!

*

Ежель чистый водоём,
То и рыба всяка в нём.

Если ж грязь воды заместо –
В ней рыбёшке нету места.

Жаль, что нашему Ивану,
Эта суть «по барабану».

*

Тут я, как-то на досуге
Пошутил своей супруге:
«Не ревнуй меня к подруге,
А ревнуй меня к белуге».

У жены кулак тяжёлый,
...Из меня шутник – хреновый.

*

Как заправский хулиган
Лапал озеро туман.

Вышел ёжик из тумана,
Что-то вынул из кармана,
Бросил в воду, взрыв раздался:
Без колючек ёж остался.

*

Прямолинейно царь твердил:
«Пришёл, увидел, победил!»
...У рыбака ж то вкривь, то вкось:
Пришёл, забросил, сорвалось!

*

Снилась с ночи до утра
Осетровая икра,
Балычок из стерляди –
Со спины и спереди.

Рот открыл и тут же вот
Залетела муха в рот.
Встал, собрался понемножку.
И пошёл ловить... сорожку.

*

У Папанина шла поклёвка –
Папанина рыбы любили.
Рыбаков осенила сноровка –
И Папанина обурили...*

Вот так стало ясно нам ныне,

Как *он* оказался на льдине!

*«обурить»: лунки пробуриль вокруг чужой удачи

Продолжение следует. Ю.П.
2016